

18. Москва

XX

205
1

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская улица, соб. домъ.

1890.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Русскій Туркестанъ.

„Сила территориальнаго расширенія Россіи всегда была больше усвоенія присоединенныхъ народностей“.

Wallace: „Russia“.

За послѣдніе тридцать лѣтъ и безъ того огромная территорія Россійской имперіи получила значительное приращеніе путемъ присоединенія обширныхъ земель, лежащихъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ предѣлахъ такъ называемаго Арало-Каспійскаго или Туркестанскаго бассейна. Правда, что далеко еще не всѣ части этого бассейна вошли въ составъ нашего государства, такъ какъ Хива и Бухара, по крайней мѣрѣ, по внѣшности, считаются самостоятельными, а многочисленныя ханства Афганскаго Туркестана и южная часть Туркменіи пока подчинены Афганистану.

Однако, такое положеніе дѣлъ на нашей среднеазіатской окраинѣ чрезвычайно непрочно. Хивинское и бухарское ханства, въ сущности, находятся въ полнѣйшей фактической зависимости отъ Россіи. Окончательное присоединеніе ихъ къ составу Россійской имперіи есть вопросъ времени и, по всей вѣроятности, весьма недалекаго. Съ присоединеніемъ же Бухары, Россія завладѣетъ также и нѣкоторыми ханствами, нынѣ входящими въ составъ ея и лежащими въ верховьяхъ р. Аму-Дарьи, на Памирѣ, и по правому берегу ея, каковы: Каратигенъ, Дарвазъ, Рошанъ и Шигнанъ. Овладевъ ими, Россія войдетъ въ естественныя границы съ Китаемъ, которыя пройдутъ здѣсь по восточной окраинѣ Памира. Что же касается Афганскаго Туркестана, то его составляютъ слѣдующія ханства, лежащія между Аму-Дарьей и горами Гиндукушъ: Ваханъ, Бадахшанъ, Кундузъ, Балхъ, Анхой, Шибирханъ, Сарипуль, Меймене и др. Какъ по природѣ, такъ и по населенію, всѣ эти ханства имѣютъ гораздо болѣе общаго съ Бухарой, чѣмъ съ Афганистаномъ, отъ котораго они отдѣлены высокими и труднопроходимыми горами. Въ виду этого, они только условно подчинены Афганистану, на самомъ же дѣлѣ замѣтно тяготеютъ къ Бухарѣ и господствующей надъ ней Россіи. То же самое слѣдуетъ сказать и про южную

часть Туркменіи, составляющей афганскую оборонительную линію по направленію къ Герату.

Такимъ образомъ, вся обширная территорія только что перечисленныхъ мелкихъ среднеазиатскихъ ханствъ, лежащихъ по верхнему теченію Амударьи, къ сѣверу отъ Гиндукуша и древняго Паропомиза, представляетъ область неустойчиваго политическаго равновѣсія, испытывающую на себѣ борьбу двухъ могучихъ вліяній, — съ одной стороны, Бухары и, главнымъ образомъ, стоящей за нею Россіи, а съ другой — Афганистана, сильно поддерживаемаго Англіей. При такомъ положеніи дѣлъ, едва ли возможно сомнѣваться, что рано или поздно обѣ великія европейскія державы, поглотивъ въ себя нынѣ посредствующія государства, Бухару и Афганистанъ, сойдутся на Гиндукушѣ, какъ на единственной естественной или, по выраженію Биконсфильда, научной границѣ, которая въ будущемъ должна раздѣлять азиатскія владѣнія Россіи и Англіи. Во всякомъ случаѣ, при наличномъ порядкѣ вещей, положеніе Россіи къ сѣверу отъ Гиндукуша и Паропомиза достаточно прочно, и нужно думать, что не далеко то время, когда, безъ борьбы и кровопролитія, границы нашихъ обширныхъ среднеазиатскихъ владѣній совпадутъ съ естественными предѣлами Арало-Каспійскаго бассейна, который и теперь уже съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ «Русскимъ Туркестаномъ».

Какъ географическій терминъ, Русскій Туркестанъ обнимаетъ собою довольно значительную площадь азиатскаго материка, простирающуюся отъ Мугоджарскихъ горъ и восточныхъ побережій Каспійскаго моря на западѣ до Джунгарскаго Ала-Тау, Тянь-Шаня и Памира на востокѣ; отъ горъ Копетъ-Дага, Паропомиза и Гиндукуша на югѣ до Тарбагатая, Чингизъ-Тау и Арало-Иртышскаго водораздѣла на сѣверѣ. Эта вполне замкнутая и обособленная площадь, лишенная естественныхъ стоковъ къ океану, представляетъ собою неправильный многоугольникъ, замѣтно вытянутый съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Поверхность его имѣетъ до 3.500,000 квадр. верстъ. Для болѣе нагляднаго представленія всей обширности нашихъ среднеазиатскихъ владѣній, достаточно сказать, что поверхность Русскаго Туркестана, ограниченного только что указанными предѣлами, составляетъ $\frac{2}{3}$ поверхности Европейской Россіи и почти въ 7 разъ превосходитъ поверхность Франціи.

Впрочемъ, не въ обширности нашихъ среднеазиатскихъ владѣній съ ихъ довольно скуднымъ населеніемъ заключается важное значеніе этихъ новыхъ приобрѣтеній Россіи, а въ совокупности тѣхъ многочисленныхъ особенностей, которыя со временъ глубокой древности дѣлали этотъ край предметомъ особеннаго вниманія для всего человѣчества. Здѣсь мы имѣемъ область, которая, по всей справедливости, можетъ быть названа гигантскою гекатомбой человѣческаго рода; здѣсь же, во время хаотическаго движенія народныхъ массъ, извѣстнаго подъ именемъ великаго переселеія народовъ, совершались тѣ кровавыя столкновенія, отъ которыхъ гибли цвѣтущія монархіи; сюда направляли свои походы міро-

вые завоеватели. Но не одни боевыя столкновѣнія видимъ мы въ этомъ краѣ,—въ немъ процвѣтало и мирное развитіе: отсюда, по преданіямъ, произошло расселеніе человѣческаго рода по лицу земли; здѣсь совершилась смѣна нѣсколькихъ культуръ, которыя и донынѣ приводятъ насъ въ изумленіе; отсюда же, изъ Согдіаны, этой священной земли Востока, впервые распространилась кроткая религія Зороастра; наконецъ, тутъ же, въ долинахъ Тянь-Шаня и Гиндукуша, загорѣлся тотъ тихій и ясный свѣтъ арійской цивилизаціи, который разлился потомъ по всему міру. Вдоль древняго Окса (Аму-Дарьи) и Яксарта (Сыръ-Дарьи) долгое время направлялась торговля изъ Внутренней Азіи къ Каспійскому морю, и даже послѣ открытія морскаго торговаго пути рынки Европы все еще снабжались отсюда индійскими товарами. Не меньшій интересъ представляетъ этотъ край и въ физико-географическомъ отношеніи. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ здѣсь цѣлый рядъ рѣзкихъ противоположностей: заоблачныя выси горъ, поднимающихся до 25,000 футовъ надъ уровнемъ моря, смѣняются равнинами, поверхность которыхъ лежитъ ниже уровня воды въ океанѣ; всеоживляющая влажность въ горахъ противопоставляется мертвящей сухости воздуха въ пустыняхъ; ужасающій зной чередуется съ ледяющею стужей; изумительное плодородіе лёссової почвы проявляется рядомъ съ ея мертвеннымъ безплодіемъ и т. п. «Но интересъ, представляемый прошедшимъ этой страны,—говоритъ нашъ уважаемый ученый, Р. Э. Ленцъ,—и преобразованіями, совершившимися въ ней въ настоящее время, еще болѣе увеличивается естественно представляющимся вопросомъ объ ея будущности. Сюда должны мы направить наше вниманіе ради будущаго; отсюда предстоитъ намъ распространять наше вліяніе на дальній Востокъ; здѣсь открывается для нашей торговли съ Внутреннею Азіей наиболѣе легкій и удобный путь,—путь, которымъ пользовались уже тысячи лѣтъ тому назадъ, который затѣмъ пришлось оставить, вслѣдствіе упадка культуры въ странѣ и послѣдовавшаго за этимъ одичанія ея обитателей, но который можетъ быть возвращенъ намъ путемъ цивилизаціи и мира» *).

Несмотря, однако, на глубокій интересъ, представляемый этимъ краемъ для всего образованнаго міра, и важное значеніе его для Россіи, значительное большинство русской публики до самаго послѣдняго времени относилось къ нашимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ съ изумительнымъ равнодушіемъ, представлявшимъ полную противоположность тому серьезному оживленію, какое было вызвано въ Англіи и другихъ странахъ Западной Европы нашими военными и мирными успѣхами на Востокѣ. Равнодушія этого не чужды были и наши дѣловыя сферы, удѣлявшія чрезвычайно слабое вниманіе нашимъ восточнымъ окраинамъ. Русскіе промышленники и торговцы вели свои сношенія съ Среднею Азіей по старой рутинѣ и въ прямой ущербъ какъ производства, такъ и потребленія. Между тѣмъ, за-

*) Наши свѣдѣнія о нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Зап. Импер. Русск. Геогр. Общества (по общей географіи), т. IV, 1871 г., стр. 86.

падно-европейскіе капиталисты и предприниматели давно уже соблазняются разработкой естественныхъ богатствъ Русскаго Туркестана и, въ то же время, всячески стараются овладѣть нашими среднеазиатскими рынками.

Только русская наука не раздѣляла этого равнодушнаго и почти пренебрежительнаго отношенія къ новымъ приобрѣтеніямъ Россіи въ Средней Азій и въ цѣломъ рядѣ многочисленныхъ изслѣдованій, изъ которыхъ многія носятъ характеръ научныхъ подвиговъ, достойныхъ глубокаго удивленія, дала обширные матеріалы для всесторонняго познанія Русскаго Туркестана. Опираясь на труды русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, посвятившихъ свои работы этому предмету, мы и рѣшаемся остановить вниманіе читателей какъ на опѣнкѣ политическихъ и научныхъ успѣховъ, достигнутыхъ нами въ Средней Азій, такъ и на выясненіи основныхъ задачъ культурной миссіи Россіи въ томъ краѣ, въ которомъ ей предстоитъ играть чрезвычайно важную историческую роль.

Сношенія нашего отечества съ Среднею Азіей очень древни. Многочисленныя находки азиатскихъ монетъ VII—X вѣка въ предѣлахъ средней и восточной Россіи, особенно на пространствахъ отъ тѣхъ частей Поволжья, гдѣ жили волжскіе болгары, и до побережій Балтійскаго моря, служатъ достаточнымъ вещественнымъ доказательствомъ существованія дѣятельныхъ торговыхъ сношеній славянъ съ народами Средней Азій. По свидѣтельству Ибнъ-Хордадъ-Бека, писавшаго въ серединѣ IX вѣка, наши предки появлялись частью для грабежа, частью для торговли даже по ту сторону Каспійскаго моря. Несторъ также указываетъ путь, какимъ можно «идти въ Болгары и въ Хвалисы (Каспійское море), на востокъ, дойти въ жребій Симовъ». Съ половины же XIII вѣка къ нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Среднею Азіей присоединились еще и политическія, явившіяся слѣдствіемъ почти трехвѣковаго владычества татаръ надъ Русью. Послѣ монгольскаго погрома, потрясшаго почти всю Азію и восточную Европу, русскіе князья и простые люди волей-неволей должны были познакомиться съ самыми отдаленными странами, входившими въ составъ огромной имперіи Чингизидовъ.

Благодаря всеѣмъ этимъ какъ добровольнымъ, такъ и вынужденнымъ сношеніямъ, въ русскомъ народѣ постоянно поддерживались обстоятельныя свѣдѣнія о Туркестанѣ, занесенныя даже и въ лѣтописи. Такъ, о мѣстѣ рожденія Тамерлана Никоновская лѣтопись говоритъ, что «страна нѣкая есть между яко быти Индѣйскъ сѣверными странами и восточными, именовъ Араръ, нарицаеть же ся междорѣчье, занеже двоимъ источникамъ, окружающимъ ю, и въ той странѣ сынъ нѣкоего мѣста старѣйшины, именовъ Тамеръ, свирѣпъ зѣло», и далѣе, что «о семь убо Темиръ-Аксацъ повѣдаша нѣцыи, яко отъ Заяцкихъ Татаръ отъ Самарханскія отъ Синія орды, иже бѣ за Желѣзными враты». Зная многое о Туркестанѣ, русскіе люди XIII, XIV и XV вѣковъ знали также и дороги, ведущія къ нему, изъ которыхъ одна — сѣверная — шла мимо Аральскаго моря, а другая — южная — направлялась черезъ Астрахань, восточную окраину Кавказа и далѣе въ обходъ Каспійскаго моря.

По мѣрѣ освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, въ ней все яснѣе и яснѣе стало обнаруживаться сильное стремленіе къ расширенію на востокъ и юго-востокъ, причемъ починъ въ этомъ движеніи всегда принадлежалъ народу. Со второй же половины XVI вѣка въ это дѣло вмѣшалась и государственная власть. Въ 1552 г. Іоаннъ Грозный окончательно покорилъ Казанское царство, овладѣвъ, такимъ образомъ, ключомъ къ обладанію Волгой. Вскорѣ послѣ этого пало Астраханское царство и, вмѣстѣ съ нимъ, подчинились русской власти Башкирія и Ногайская орда. Волга, сдѣлавшись русскою рѣкой, быстро заселялась и въ короткое время вернула себѣ свое прежнее значеніе главнаго торговаго пути для сношеній съ Среднею Азіей. Событіе это тотчасъ же было оцѣнено иностранцами, которые неоднократно являлись въ Москву съ ходатайствомъ о дозволеніи вести черезъ Русь торговые сношенія съ Востокомъ.

Одновременно съ этимъ Волга, особенно въ своихъ низовьяхъ, стала театромъ грабежей и разбоевъ со стороны козачества, быстро усилившагося наплывомъ бѣглаго и бродячаго населенія изъ разныхъ концовъ Россіи. Іоаннъ Грозный въ 1577 году выслалъ войска противъ «воровскихъ козаковъ», которые были разбиты и разбрелись въ разныя стороны. Одни изъ нихъ, подъ предводительствомъ знаменитаго Ермака, пошли по Камѣ и Чусовой къ Строгановымъ и въ послѣдствіи поклонились царю Сибирскимъ царствомъ, другіе ушли на Донъ и Терекъ и, наконецъ, третьи поселились на Яикѣ (Уралѣ). Эти послѣдніе, окруженные со всѣхъ сторонъ ордами кочевниковъ и сильно нуждаясь во вѣншей опорѣ, также должны были подчиниться московскому царю, что, однако, нисколько не мѣшало имъ производить самовольные набѣги на Хиву, относящіеся къ началу XVII столѣтія. Такихъ набѣговъ было сдѣлано два: одинъ подъ начальствомъ Нечая, а другой—Шамая, и оба они кончились полнѣйшимъ пораженіемъ смѣлыхъ авантюристовъ.

Покореніемъ Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго царствъ и занятіемъ Яика Россія не уничтожила, а только загнала въ наши нынѣшнія среднеазіатскія владѣнія тѣ подвижныя народныя массы, которыя столь долго тяготѣли надъ нею и задерживали ея развитіе. Хотя и побѣжденные, но все еще свободные кочевники среднеазіатскихъ степей, поддерживаемые независимыми ханствами Туркестана, до такой степени беспокоили и даже громили наши, прилегающія къ нимъ, окраины, что борьба съ ними русской заволажской и сибирской колонизаціи обратилась въ борьбу за существованіе, продолжавшуюся около двухсотъ лѣтъ. Борьба эта совершалась здѣсь почти безъ всякой поддержки государственной власти и вообще наше движеніе на юго-востокъ въ теченіе XVII и XVIII столѣтій велось безъ всякаго опредѣленнаго плана, подъ вліяніемъ различныхъ случайностей, всецѣло являясь дѣломъ безотчетнаго народнаго стремленія.

Правда, московскіе цари не переставали поддерживать дѣятельныхъ сношеній съ Хивой и Бухарою путемъ довольно частыхъ посольствъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны, но главною цѣлью этихъ сношеній

были, однако, не завоевательныя стремленія, для которыхъ Московское государство было еще слишкомъ слабо, а забота о развитіи торговыхъ связей не только съ Туркестанскимъ краемъ, но и съ далекою Индіей. Особенно частыми стали наши посольства въ XVII вѣкѣ. Очевидно, что при такихъ сношеніяхъ русскія географическія свѣдѣнія о Средней Азіи должны были значительно пополниться. Дѣйствительно, еще Іоаннъ Грозный «въ 1552 году велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать». При Борисѣ Годуновѣ онъ былъ дополненъ, а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, около 1627 года, старый чертежъ «избился весь и развалился, такъ что впредь по немъ урочищъ смотрѣть не можно», и потому необходимо было «примѣрися къ старому чертежу въ туежъ мѣру сдѣлать новый чертежъ всему Московскому государству по всеѣ окрестныя государства». Тогда же была составлена къ нему и Книга Большаго Чертежа—этотъ важный историческій документъ, позволяющій судить о полнотѣ русскихъ географическихъ свѣдѣній въ XVI и XVII вѣкахъ какъ относительно Московскаго государства, такъ и относительно странъ, сопредѣльныхъ съ нимъ. Самый чертежъ до насъ не дошелъ, но книга была напечатана нѣсколько разъ.

Характеризуя допетровскій періодъ движенія Россіи въ глубь Азіи, мы не можемъ не отмѣтить, что московское правительство закрѣпляло только то, что было достигаемо путемъ стихійнаго стремленія народныхъ массъ, причемъ оно чаще всего довольствовалось оборонительными мѣрами. Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу Петръ Великій, который, по фигуральному выраженію одной анонимной брошюры *), «прорубая окно въ Европу на моряхъ Черномъ и Балтійскомъ, въ то же время, искалъ ключъ и врата ко всеѣмъ азіатскимъ странамъ со стороны Киргизскихъ и Туркменскихъ степей». Исходя изъ сложныхъ политическихъ и экономическихъ соображеній, онъ не находилъ полезнымъ ограничиваться мѣрами пассивной обороны Россіи со стороны Средней Азіи и предпочелъ имъ дѣйствія активныя и наступательныя. Моряку Соймонову онъ самъ говорилъ: «Отъ Астрабада до Балха и Бадакшана только 12 дней ходу, а тамъ, во всей Бухаріи, середина всеѣхъ восточныхъ комерцій и тому пути никто помѣшать не можетъ»; а другой, близкій къ Петру человекъ, Кириловъ, свидѣтельствуешь, что «отворенія свободнаго съ товарами пути въ Бухару, Бадакшанъ, въ Балхъ и Индію императоръ Петръ Великій весьма домогался, не жалѣя ни казны, ни людей». Вотъ почему и были снаряжены имъ двѣ военныя экспедиціи: одна отъ р. Иртыша къ Эркети (Яркенду) въ Восточный или Китайскій Туркестанъ, подъ командой Бухгольца, а другая отъ Каспійскаго моря къ Хивѣ въ Западный Туркестанъ, подъ начальствомъ князя Александра Бековича Черкаскаго. Въ концѣ наказа этому послѣднему государь собственноручно приписалъ: «По симъ пунктамъ господамъ сенату съ лутчаю ревностью сіе дѣло, какъ наискоряя, отпрavitъ,

*) *Аму и Узбой*. Самара, 1879 г., стр. 7.

понеже зѣло нужно». Какъ извѣстно, обѣ эти экспедиціи окончились полнѣйшею неудачей, за которую Петръ вознаградилъ себя блестящими побѣдами надъ Персіей и подчиненіемъ себѣ побережій Каспійскаго моря.

Какъ ни неудачны были эти первые опыты наступательныхъ дѣйствій Россіи въ Туркестанскій край, однако, они имѣли довольно важныя послѣдствія какъ въ военномъ, такъ и въ научномъ отношеніяхъ. Прежде всего, они невольнo привели русскихъ къ необходимости занять новыя пограничныя линіи и къ устройству крѣпостей по рѣкамъ Иртышу и Яику, причемъ иртышская линія получила начало въ 1716 году во время экспедиціи Бухгольца, а уральская была основана только въ 1735 году, послѣ принятія киргизъ-козаками подданства Россіи. Затѣмъ, съ научной стороны наступательныя предпріятія Петра Великаго, всегда интересовавшагося Каспійскимъ моремъ и странами, лежащими къ востоку отъ него, дали весьма цѣнные географическіе матеріалы. «Результатомъ всѣхъ этихъ стремленій Петра,—говоритъ профессоръ Мушкетовъ,—помимо различныхъ свѣдѣній о Туркестанѣ и въ особенности объ Аму-Дарьѣ, появилась первая болѣе точная карта Арало-Каспійской страны, которая въ свое время надѣлала много шума и имѣла настолько важное значеніе, что французская академія выбрала Петра Великаго, представившаго ей эту карту, своимъ почетнымъ членомъ» *).

Дѣятельное стремленіе Петра расширить предѣлы своей имперіи на юго-востокъ возбудило въ англичанахъ сильныя опасенія, и они послѣдили внушить Портѣ мысль о необходимости силою оружія остановить успѣхъ русскихъ на Каспійскомъ морѣ, обѣщая на случай войны денежную помощь не только отъ короля, но и отъ всего англійскаго народа.

Событія, происходившія на нашей среднеазиатской окраинѣ въ теченіе прошлаго столѣтія, были крайне маловажны, хотя уже къ половинѣ его обѣ вышеупомянутыя оборонительныя линіи, уральская и иртышская, сомкнулись другъ съ другомъ, и, такимъ образомъ, составила одна непрерывная, пограничная съ киргизъ-козаками, линія крѣпостей отъ устья р. Яика до Усть-Каменогорска и далѣе, на протяженіи 3,500 верстъ. Линія эта получила названіе оренбургско-сибирской и впоследствии послужила операционнымъ базисомъ для дальнѣйшаго наступательнаго движенія русскихъ въ Туркестанскій край. Подъ прикрытіемъ этой же линіи явилась возможность болѣе тщательнаго изученія тогдашнихъ среднеазиатскихъ окраинъ Россіи, что и было исполнено въ концѣ прошлаго столѣтія соединеннымъ трудомъ нѣсколькихъ ученыхъ, которые, по инициативѣ Екатерины II, совершили рядъ научныхъ поѣздокъ по различнымъ частямъ Россіи. Въ числѣ ихъ назовемъ: Гмелина, Фалька, Палласа, Гюльденштедта, Георги, Лепехина, Рычкова, Соколова, Зуева и друг. Хотя всѣ они только коснулись сѣверныхъ окраинъ Туркестана и ни одинъ изъ нихъ не проникалъ въ глубь его, тѣмъ не менѣе, труды ихъ значительно расширили географическія свѣдѣнія о немъ.

*) *Туркестанъ*, т. I. Спб., 1886 г., стр. 71.

Несмотря на довольно сильное боевое снаряженіе оренбургско-сибирской линіи, она почти совершенно не достигала своего назначенія даже въ смыслъ пассивной обороны нашей границы, не говоря уже объ активномъ вліяніи на залинейныхъ русскихъ подданныхъ. Киргизы и другіе кочевники, сильно поддерживаемые хивинскими ханами и бухарскими эмирами, безнаказанно производили набѣги на линію, легко прорывались черезъ нее, угоняли скотъ, захватывали въ плѣнъ людей и продавали ихъ въ туркестанскія ханства рабами, и даже открыто нападали на русскія поселенія. Чтобы положить конецъ такому порядку вещей, необходимо было окончательно овладѣть Киргизскою степью, такъ какъ только этимъ путемъ было возможно навсегда обуздать хищничество не только киргизовъ, но и вообще среднеазиатскихъ кочевниковъ. Необходимость этого шага сознавалъ еще Петръ Великій, который, по свидѣтельству мурзы Тевкелева, будучи въ Астрахани, «черезъ многихъ изволилъ увѣдомиться, что хотя де Киргизъ-Кайсацкая орда—степной и легкомысленный народъ, токмо-де ко всѣмъ азіатскимъ странамъ оная орда ключъ и врата».

Задача эта была выполнена въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія, для чего, помимо сильныхъ военныхъ и научныхъ рекогносцировокъ, потребовалось выдвинуть въ оба отдѣла Киргизской степи, оренбургскій и сибирскій, достаточное число русскихъ укрѣпленій и поселеній, опиравшихся на значительную военную силу. Результатомъ этого движенія было то, что къ исходу сороковыхъ годовъ русское господство окончательно упрочилось на всемъ пространствѣ къ сѣверу отъ линіи, проходящей отъ полуострова Мангышлака, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, черезъ Аральское море до озеръ Балхаша и Ала-Куля. Вмѣстѣ съ этимъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій, положившихъ начало изученію природы и населенія Туркестана, продолжающемуся и по настоящее время. Вмѣстѣ съ русскими славу первыхъ піонеровъ науки въ этомъ краѣ раздѣляютъ и англичане. Было бы слишкомъ долго перечислять всѣхъ ученыхъ дѣятелей, посвятившихъ за это время свои силы изученію Туркестана, а потому остановимся только на важнѣйшихъ изъ нихъ. Еще въ 1819 году Н. Муравьевъ предпринялъ весьма трудное и опасное путешествіе съ восточнаго берега Каспія черезъ Туркменскія степи въ Хиву и тѣмъ значительно пополнилъ географическія свѣдѣнія о нихъ. Въ слѣдующемъ же году снаряжается посольство Негри въ Бухару, въ которомъ принимаютъ участіе Мейендорфъ, Пандеръ, Эверсманъ и др. Благодаря участію въ немъ названныхъ натуралистовъ, результаты этого посольства были весьма почтенны какъ въ географическомъ, такъ и въ естественно-историческомъ отношеніяхъ. Въ 1825 году была снаряжена военно-ученая экспедиція подъ начальствомъ Берга, въ составѣ болѣе 2,000 человекъ и при участіи Эверсмана, Лемма и др. Экспедиція эта, произведшая сильное впечатлѣніе на Хиву, впервые занялась подробнымъ изслѣдованіемъ Усть-Урта, лежащаго между Араломъ и Каспіемъ, и посредствомъ барометрической нивелировки доказала, что уровень черваго

лежить выше уровня второго. Особенно много потрудился въ дѣлѣ изученія Арало-Каспійскаго бассейна Г. С. Карелинъ, пріобрѣтшій почетную извѣстность своими путешествіями не только у насъ, но и за границей. Въ 1824 году Карелинъ былъ сосланъ, по приказанію Аракчеева, неизвѣстно за что, въ Оренбургъ и зачисленъ въ тамошній гарнизонъ. Быть можетъ, благодаря этой грустной случайности, русская наука и пріобрѣла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей, столь много содѣйствовавшаго ея успѣхамъ своими многосторонними занятіями. Онъ умеръ въ 1872 году въ Туревѣ. Къ сожалѣнію, большая часть изслѣдованій Карелина, отчасти благодаря пожару, случившемуся въ годъ его смерти, отчасти же благодаря невниманію близкихъ къ нему людей, навсегда потеряны для науки. Не менѣе достойна сожалѣнія судьба другаго талантливаго изслѣдователя Туркестана—Виткевича. Дѣятельность этого предприимчиваго и ловкаго путешественника тѣсно связана съ началомъ политической борьбы Россіи съ среднеазиатскими ханствами. Сосланный въ 1823 году рядовымъ въ Орскую крѣпость, Виткевичъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Ал. Гумбольдта, который въ 1829 году совершалъ свое въ высшей степени плодотворное путешествіе по Уралу, Алтаю и Прикаспійскимъ степямъ. Рекомендация геніальнаго ученаго сильно выдвинула Виткевича, который уже въ 1836 году въ азіатскомъ костюмѣ ходилъ съ торговымъ караваномъ въ Бухару, а на слѣдующій годъ былъ отправленъ съ политическимъ порученіемъ въ Афганистанъ къ тогдашнему эмиру Достъ-Магомету. Порученіе это Виткевичъ выполнилъ блестяще, чѣмъ сильно смутилъ англичанъ, но, возвратившись въ Петербургъ въ концѣ апрѣля 1839 года, онъ съжегъ всѣ свои бумаги и застрѣлился. Между изслѣдователями Арало-Каспійскихъ странъ назовемъ еще А. Левшина, Ханыкова, Лемана, Богословскаго, Данилевскаго, Базинера, Шренка и др. Изъ англійскихъ путешественниковъ особенно смѣлыми и замѣчательными были изслѣдованія Муркрафта, Бёрнса и Вуда. Нельзя не упомянуть также о двухъ другихъ отважныхъ англійскихъ путешественникахъ, Конолли и Стодартѣ, которые были казнены въ Бухарѣ въ 1841 году. Большая часть всѣхъ выше перечисленныхъ изслѣдованій припала на долю низменной части Туркестанскаго бассейна; что же касается горныхъ частей его, то туда проникали только немногіе, преимущественно англійскіе путешественники. Вполнѣ же доступными онѣ стали только тогда, когда русская власть окончательно утвердилась въ этомъ краѣ, т.-е. за послѣднія тридцать лѣтъ.

Водвореніе русскихъ въ Киргизскихъ степяхъ имѣло самыя благотворныя послѣдствія. Оно сразу достигло полнаго умиротворенія этого обширнаго края, причемъ киргизы оказались вовсе не такимъ безпокойнымъ народомъ, какимъ они представлялись раньше. Но съ упорядоченіемъ дѣлъ въ степи явилась необходимость охраненія самихъ киргизовъ отъ насилій и хищничества хивинцевъ, кокандцевъ и поддерживаемыхъ ими туркменовъ, господствовавшихъ по теченію Сыръ-Дарьи. Военныя дѣйствія съ хивинцами начались еще въ 1839 году неудачнымъ походомъ на Хиву генерала

Перовскаго. Затѣмъ, съ укрѣпленіемъ русскихъ на низовьяхъ Сырь-Дарьи, дѣйствія эти возобновились въ 1847 году, а черезъ три года послѣдовалъ цѣлый рядъ столкновений съ коканцами, имѣвшій результатомъ занятіе русскими войсками Заилійскаго края и коканской крѣпости Агъ-Мечети (теперешній Перовскъ). Последнее событіе, совершившееся въ 1853 году, имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія и потому съ полнымъ правомъ можетъ считаться исходнымъ моментомъ нашего теперешняго господства въ Туркестанѣ.

Съ этого времени цѣлью нашихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ стремленій стало Коканское ханство, на которое русскія войска надвигались какъ со стороны Семирѣчинской области, такъ и по Сырь-Дарьѣ. Такъ, уже въ 1863 году возникло предположеніе сомкнуть сырь-дарьинскую линію съ Семирѣчьемъ, вмѣсто кружной, болѣе короткою пограничною линіей. Мысль эта и вызвала новыя военныя экспедиціи, такъ какъ провести такую пограничную линію безъ военныхъ столкновений съ Коканскимъ ханствомъ было совершенно невозможно. Предпріятіе это блестяще осуществилось занятіемъ въ 1864 году крѣпостей Аулие-Ата и Туркестана, а въ слѣдующемъ году генераль Черняевъ взялъ Чемкентъ и Ташкентъ.

Успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи въ свое время сильно встревожили англичанъ, такъ что князь Горчаковъ счелъ долгомъ успокоить ихъ правительство особымъ циркуляромъ, въ которомъ онъ выяснялъ, что одна только крайняя необходимость оградить свои владѣнія побуждаетъ Россію къ подчиненію своей власти новыхъ областей, указавъ при этомъ на Сырь-Дарью, какъ на естественную границу съ среднеазиатскими ханствами. Однако, вопреки всѣмъ этимъ успокоительнымъ завѣреніямъ и дипломатическимъ попыткамъ остановить дальнѣйшее движеніе русскихъ войскъ, завоеванія наши продолжались. Неизбѣжное для насъ взятіе Ходжента, послѣдовавшее въ 1866 году, совершенно замкнуло Коканское ханство въ Ферганской долинѣ. Въ то же время, непріязненные выходки подстрекаемаго англичанами бухарскаго эмира, не постѣснившася даже заарестовать русское посольство, привели къ полному пораженію его и къ занятію въ 1868 году генераломъ Кауфманомъ Самарканда, а вмѣстѣ съ нимъ и плодородной Зеравшанской долины, что поставило Бухарское ханство въ политическую и матеріальную зависимость отъ Россіи.

Оставалось только свести старые счеты съ Хивою. Въ поводахъ для этого недостатка не было. Не говоря уже о постоянныхъ набѣгахъ хивинцевъ и покровительствуемыхъ ими туркменовъ на наши пограничныя владѣнія, хивинскій ханъ, съ гордостью насчитывавшій подъ своею властью до 750,000 туркменовъ, киргизовъ и каракалпаковъ, и слишкомъ увѣренно положившійся на безпредѣльность и недоступность пустынь, окружающихъ его оазисъ, отказался удовлетворить предъявленное къ нему въ 1872 году требованіе освободить русскихъ плѣнниковъ, въ большомъ числѣ находившихся въ его ханствѣ. Чтобы положить конецъ его самоувѣренной надменности, рѣшено было организовать большую военную экспедицію,

которая и закончилась занятіемъ Хивы въ 1873 году русскими войсками подъ начальствомъ генерала Кауфмана. Часть оазиса, по правому берегу Аму-Дарьи, тогда же была присоединена къ Россіи и по договору, которымъ окончилась хивинская война, за ханомъ была оставлена только имен-ная верховная власть и права верховнаго судьи. Въ вознагражденіе за снаряженіе экспедиціи ханъ обязался уплатить 2.200,000 рублей, съ разсрочкою на 20 лѣтъ, и сверхъ этого уничтожить рабство и признать надъ собою верховную власть русскаго императора.

Одновременно съ этими событіями состоялось дипломатическое соглашеніе съ Англіей относительно Средней Азіи. Еще въ началѣ 1869 года англійское правительство, для успокоенія общественнаго мнѣнія въ Англіи, сильно встревоженнаго успѣхами русскаго оружія въ Туркестанѣ, предложило русскому правительству оставить между владѣніями двухъ имперій въ Азіи нейтральный поясъ, который предохранялъ бы ихъ отъ взаимнаго столкновенія. Принятое въ принципѣ, предложеніе это послужило предметомъ дальнѣйшихъ переговоровъ, на основаніи которыхъ такой нейтральный поясъ долженъ былъ составлять Афганистанъ. Однако, англичане, желая включить это независимое государство въ сферу своего непосредственнаго вліянія, не остановились на этомъ и повели переговоры уже не о нейтральномъ поясѣ, а о чертѣ раздѣленія сферъ вліянія Англіи и Россіи по р. Аму-Дарьѣ или, по крайней мѣрѣ, по сѣверной границѣ Афганистана. Границу же эту англичане опредѣляли предѣломъ земель, не только состоявшихъ въ дѣйствительномъ владѣніи афганскаго эмира, Ширъ-Али-хана, но и тѣхъ, которыя нѣкогда находились подъ властью его отца, Достъ-Магомета, таковы, напримѣръ, Бадахшанъ и Ваханъ. Все это значительно измѣняло первоначальную основу переговоровъ; однако, въ началѣ 1873 года князь Горчаковъ согласился на присоединеніе Вахана и Бадахшана къ Афганистану, съ тѣмъ, чтобы, съ другой стороны, остальные ханства, лежація въ верховьяхъ Аму-Дарьи, т.-е. Шигнанъ, Рошанъ, Дарвазъ и Каратигенъ, вошли въ составъ Бухарскаго ханства. Такимъ образомъ, всѣ эти ханства, помимо всякаго ихъ участія, были подѣлены, а за черту, раздѣляющую вліянія Россіи и Англіи, признана рѣка Пянджъ и составляющаяся изъ нея Аму-Дарья до урочища Ходжа-Сале, въ какомъ положеніи это дѣло остается и по настоящее время.

Черезъ два года послѣ окончанія хивинскаго похода туркестанскимъ войскамъ пришлось снова взяться за оружіе, вслѣдствіе вспыхнувшего въ Коканскомъ ханствѣ возстанія противъ нелюбимаго народомъ Худояръ-хана съ провозглашеніемъ священной войны (газавата) противъ русскихъ. Быстро развившіяся военныя дѣйствія противъ возставшихъ коканцевъ, привели къ занятію Коканскаго ханства, которое, согласно высочайшей волѣ, 5 февраля 1876 г. вошло въ составъ Россійской имперіи, подъ именемъ Ферганской области.

По окончаніи борьбы съ Бухарою, Хивою, Коканомъ и распространеніи непосредственнаго вліянія почти на весь Туркестанъ, оставалось только

покончить съ другимъ не менѣе безпокойнымъ и самонадѣяннымъ врагомъ— туркменами, кочевавшими въ обширныхъ песчаныхъ равнинахъ между Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей. Военныя дѣйствія противъ этихъ степныхъ грабителей все время шли съ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, на которыхъ еще въ 1834 году оренбургскимъ вѣдомствомъ было устроено Ново-Александровское укрѣпленіе, которое въ 1846 году было перенесено на полуостровъ Мангишлакъ и переименовано потомъ въ фортъ Александровскій. Затѣмъ, въ концѣ 1869 года, кавказскія войска, подъ начальствомъ полковника Столѣтова, переправясь изъ Петровска черезъ Каспійское море, высадились въ Муравьевской бухтѣ и основали г. Красноводскъ. При основаніи этого города имѣлось въ виду создать на восточномъ берегу Каспія опорный пунктъ какъ для большаго обезпеченія кавказскими войсками господства, пріобрѣтеннаго русскими въ Киргизскихъ степяхъ и Туркестанѣ, такъ и для открытія кратчайшихъ и дешевѣйшихъ торговыхъ путей въ туркестанскія ханства. По отношенію же къ туркменамъ предполагалось всячески избѣгать такихъ мѣръ и предпріятій, которыя могли бы имѣть послѣдствіемъ вооруженное сопротивленіе съ ихъ стороны. Нечего и говорить, что столкновенія съ туркменами были неизбѣжны, и, въ концѣ-концовъ, русскія военныя власти были вынуждены произвести цѣлый рядъ рекогносцировокъ и занять Чекишляръ при устьѣ рѣки Атрека. За этими рекогносцировками послѣдовали другія, иногда и не совсѣмъ удачныя, что чрезвычайно ободряло туркменъ, отчасти подстрекаемыхъ англійскими агентами. Приходилось думать не о томъ, чтобы избѣжать столкновений, а о томъ, чтобы серьезно дать имъ почувствовать силу русской власти. Первая попытка этого рода была сдѣлана въ 1879 года экспедиціей генерала Ламакина, имѣвшаго цѣлью овладѣть Геокъ-Тепе. Какъ извѣстно, она окончилась полнѣйшею неудачей, сильно компрометировавшею русское вліяніе въ Средней Азіи. Въ виду этого, необходимо было возможно скорѣе и полнѣе ослабить дѣйствіе этой неудачи, для чего въ 1880—1881 годахъ была организована новая военная экспедиція въ Геокъ-Тепе, подъ начальствомъ генерала Скобелева, по настоянію котораго тогда же было положено начало постройки закаспійской желѣзной дороги. Побѣда Скобелева привела къ неизбѣжному подчиненію русской власти почти всѣхъ туркменскихъ племенъ, изъ которыхъ многіе, какъ, напримѣръ, жители Мервскаго оазиса, приняли русское подданство добровольно. Наконецъ, закаспійская желѣзная дорога, доведенная 15 мая 1888 г. до Самарканда, окончательно упрочила господство Россіи въ этой части нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Всѣ эти событія снова встревожили англійскую печать и правительство. Такъ, когда русскій инженеръ, нынѣ русскій дипломатическій агентъ въ Бухарѣ, Лессаръ, доказалъ своими изслѣдованіями полную возможность постройки желѣзной дороги отъ Асхабада къ Герату, генераль Раулинсонъ въ своемъ докладѣ, сдѣланномъ по этому поводу 27 ноября 1882 г. въ лондонскомъ геог-

рафическомъ обществѣ, слѣдующими словами характеризовалъ практическую важность изысканій Лессара: «Въ настоящее время мы знаемъ, что величественная горная цѣпь, которая, согласно взглядамъ оптимистовъ, должна служить «Палладіумомъ» для Индіи, есть ничто иное, какъ незначительная серія холмовъ до 1000 метровъ высоты, которая, какъ показалъ Лессаръ, легко исчезнетъ подъ рельсами желѣзной дороги, проложенной русскими инженерами. Если бы г. Лессаръ не сдѣлалъ ничего другаго, кромѣ изученія этого пугала, Парапомиза, о которомъ говорили, что онъ поднимается до высоты 20,000 футовъ къ сѣверу и западу отъ Кабула, то онъ, все-таки, имѣлъ бы большую заслугу. Но онъ сдѣлалъ болѣе: онъ показалъ, что, въ отношеніи физическихъ трудностей, нѣтъ никакихъ препятствій для того, чтобы въ любое время, при работѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проложить желѣзный путь до Герата». Воздавъ затѣмъ похвалу цивилизаторской дѣятельности Россіи въ Средней Азіи, генералъ продолжалъ: «Какъ ни привлекательна и удовлетворительна подобная перспектива, она нисколько не убѣждаетъ меня въ необходимости простираť до Индіи сферу благотѣльного вліянія Россіи и облегчать съ нашей стороны проведеніе желѣзной дороги до Герата. Я не хочу вѣрить, чтобы, при настоящемъ положеніи нашихъ сношеній съ Востокомъ, Англія равнодушно или даже съ удовольствіемъ смотрѣла на предпріятіе, которое, если только оно осуществится, должно сильно ослабить нашъ престижъ въ Центральной Азіи». Еще болѣшую тревогу возбудило въ Англіи занятіе Мерва русскими войсками. По мнѣнію такихъ англійскихъ публицистовъ, какъ Марвинъ, О'Донованъ и друг., покореніе Мерва есть не простой захватъ пустынного края, а нѣчто гораздо важнѣе. Прежде всего, имъ достигается окончательное соединеніе боевыхъ силъ Кавказа и Туркестана, что уже само по себѣ чрезвычайно важно; затѣмъ, событіемъ этимъ не только завершается завоеваніе среднеазіатскихъ пустынь, но и полагается начало обладанію великою плодородною горною областью Персіи и Афганистана; наконецъ, Мервъ составляетъ передовой постъ по направленію къ Герату, до котораго русскія войска легко могутъ достигнуть въ теченіе 12 дней.

Въ виду такого настроенія общества, англійское правительство рѣшило дѣйствовать, и хотя Мервъ никогда не принадлежалъ Афганистану, надъ которымъ англичане успѣли уже приобрести исключительное политическое вліяніе, тѣмъ не менѣе, въ присоединеніи его къ Россіи англійскіе государственные люди усмотрѣли нарушеніе договора, заключеннаго въ 1873 году. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, русское министерство иностранныхъ дѣлъ предложило англійскому правительству провести точную границу между Россіей и Афганистаномъ отъ Ходжа-Сале на Аму-Дарьѣ до персидской границы, составивъ для этого смѣшанную комиссію изъ уполномоченныхъ Россіи и Англіи. Дѣйствія этой комиссіи сопровождались цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходовъ со стороны афганцевъ, которые присмирѣли только тогда, когда генералъ Комаровъ нанесъ имъ сильное пораженіе на берегу р. Кушки 18 марта 1885 года. Послѣ этого дѣла

дипломатическіе переговоры Россіи съ Англіей значительно обострились, но, тѣмъ не менѣе, соглашеніе состоялось и проведеніе границы было окончено въ 1887 году. Этимъ актомъ и завершился рядъ событій, которыя роковымъ образомъ привели къ подчиненію русской власти почти всю западную часть Средней Азіи.

Рука объ руку съ военными успѣхами шли и научныя завоеванія въ этомъ обширномъ краѣ, чему много способствовало основанное въ 1845 г. Императорское русское географическое общество, а также дѣятельное содѣйствіе научнымъ изслѣдованіямъ со стороны такихъ просвѣщенныхъ администраторовъ, каковымъ былъ покойный туркестанскій генералъ губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Со времени утвержденія русскихъ по Сыръ-Дарьѣ, т.-е. съ пятидесятихъ годовъ, завѣтною цѣлью научныхъ стремленій русскихъ путешественниковъ становится изученіе загадочнаго Тянь-Шаньскаго нагорья, съ перваго же раза представившее очень серьезныя затрудненія. «Изъ трехъ путешественниковъ,—говоритъ одинъ изъ первыхъ изслѣдователей Тянь-Шаня, П. Семеновъ,—одновременно и, можно сказать, по взаимному соглашенію поставившихъ себѣ задачею проникнуть въ глубь Азіи до Тянь-Шаня, только мнѣ одному изъ Сибири удалось проникнуть въ завѣтныя долины величественнаго хребта до ледниковъ Ханъ-Тенгри и верховьевъ рѣкъ Сыръ-Дарьинской системы. Отважно пробравшійся изъ Индіи въ Китайскій Туркестанъ д-ръ Шлагинтвейтъ, въ виду Тянь-Шаньскаго нагорья, сложилъ свою голову на площади Кашгара, а Н. А. Сѣверцовъ, достигшій до западной оконечности Тянь-Шаньской системы изъ форта Церовскаго, увидѣлъ ея снѣжныя вершины только издали, изъ Ташкента, куда послѣ кровопролитной схватки съ коканцами былъ привлеченъ израненнымъ плѣнникомъ на арканѣ» *).

Вскорѣ, однако, Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ возвратился изъ плѣна и, начиная съ 1864 г., онъ всецѣло посвящаетъ себя систематическому изученію Туркестана. Судьба помогла ему изслѣдовать не только Тянь-Шань, но и сказочный Памиръ—эту обширную горную страну, площадь которой составляетъ около 70,000 кв. верстъ. Вообще, можно сказать, горный Туркестанъ былъ такъ же хорошо извѣстенъ ему, какъ его родная Воронежская губернія. Къ сожалѣнію, въ ночь съ 27 на 28 января 1885 г. онъ неожиданно скончался въ самомъ разгарѣ обработки обширныхъ научныхъ матеріаловъ, вывезенныхъ имъ изъ его многократныхъ путешествій въ Туркестанъ.

Съ легкой руки Н. А. Сѣверцова, всестороннее изученіе этого края развивается съ изумительною быстротой. «Уже одно движеніе русскихъ войскъ,—говоритъ профессоръ Мушкетовъ,—доставило множество разнообразныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній о самыхъ отдаленныхъ и малоизвѣстныхъ частяхъ Туркестана; постоянно дѣлаются новыя съемки, соби-

*) *Туркестанъ и Закаспійскій край въ 1888 г. Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.* т. XXIV, вып. 5, 1889 г., стр. 290.

раются любопытныя данныя о городахъ, населеніи и проч.; литература о Туркестанѣ, особенно съ 1867 года, такъ быстро разрастается, что услѣдить за нею представляется дѣломъ далеко не легкимъ, а разбирать ее значило бы писать подробную исторію русскаго управленія *)), что, само собою понятно, не можетъ входить въ нашу задачу. Но мы не можемъ не упомянуть, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ, посвятившихъ свои силы изученію Туркестана. Такъ, нельзя не вспомнить о Валихановѣ, очень талантливомъ и образованномъ киргизѣ, совершившемъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ путешествій. Но жизнь и этого человѣка, полного силъ и дарованій, окончилась раньше, чѣмъ этого можно было ожидать, — Валихановъ умеръ на тридцатомъ году жизни отъ чахотки, не успѣвъ сообщить въ печати своихъ богатыхъ свѣдѣній. Чрезвычайно много и въ высшей степени плодотворно потрудился надъ изученіемъ Туркестана и въ частности Коканскаго ханства Алексѣй Павловичъ Федченко, которому всегда дѣятельно и вполне самоотверженно помогала его жена, Ольга Александровна Федченко. Къ сожалѣнію, и ему не суждено было обработать своихъ обширныхъ матеріаловъ, — А. П. Федченко погибъ во время одной несчастной экскурсіи въ 1874 году въ долину Шамуни. За этими тремя именами можно было бы назвать цѣлый рядъ не менѣе достойныхъ ученыхъ дѣятелей, каковы: Борщевъ, Куропаткинъ, Романовскій, Мушкетовъ, Миддендорфъ и др., но подробная характеристика ихъ трудовъ и высокихъ научныхъ заслугъ далеко бы вышла изъ предѣловъ нашего короткаго очерка. Скажемъ только, что плодотворные труды русскихъ ученыхъ за послѣдніе двадцать лѣтъ раздѣляли и англичане, особенно члены кашгарской экспедиціи Форсайта, снаряженной въ 1873 году, а въ послѣдніе годы къ нимъ присоединились и французы, изъ числа которыхъ мы назовемъ Бонвало и Капо.

Соединенные труды этой арміи ученыхъ съ величайшею подробностью разъяснили всѣ особенности природы и населенія Русскаго Туркестана. Такъ, по орографіи горныхъ частей Туркестана, въ настоящее время окончательно выясненъ грядовой характеръ такихъ гигантскихъ возвышенностей, какъ Тянь-Шань и Памиръ, причемъ хребты, составляющіе ихъ, имѣютъ приблизительно широтное направленіе, такъ что меридіональный Болоръ-Тагъ Гумбольдта оказался несуществующимъ. Точно также предположенное имъ соединеніе Арало-Каспійскаго бассейна съ Ледовитымъ океаномъ посредствомъ еще сравнительно недавно существовавшего Арало-Иртышскаго пролива болѣе, чѣмъ сомнительно, по крайней мѣрѣ, геологическія данныя говорятъ скорѣе противъ, чѣмъ за это предположеніе. Далѣе, послѣ тщательныхъ геологическихъ изслѣдованій такъ называемыхъ старыхъ руслъ Аму-Дарьи и особенно знаменитаго Узбоя приходится признать, что Аму-Дарья никогда не впадала въ Каспійское море и что на мѣстѣ Узбоя былъ только проливъ, соединявшій нѣкогда Араль съ Каспиемъ. Впрочемъ, съ проведеніемъ закаспійской желѣзной дороги, этотъ жгу-

*) Туркестанъ, стр. 180.

чій вопросъ потерялъ всякое практическое значеніе. Нельзя не отмѣтить также несомнѣнно удостовѣреннаго факта замѣтнаго усыханія поверхностныхъ водъ не только въ низменной, пустынной, но даже и въ горной части Туркестана, что представляетъ чрезвычайную важность для будущности этой страны. Геологическими изслѣдованіями, преимущественно послѣдняго времени, выясненъ вопросъ и о происхожденіи летучихъ песковъ, покрывающихъ такіа громадныя пространства, какъ Кызыль-Кумы, большіе Кара-Кумы и др.; оказалось, что только на ограниченныхъ пространствахъ пески эти морскаго происхожденія, чаще же всего они представляютъ типичныя наземныя образованія, возникающія путемъ разрушенія отъ вывѣтриванія подстилающихъ песчаныхъ породъ. Рядомъ съ этимъ было удостовѣрено чрезвычайно обширное распространеніе, особенно въ области предгорій, лёсса или желтозема, представляющаго одну изъ плодороднѣйшихъ почвъ, но только подъ условіемъ обильнаго орошенія. Чрезвычайно важное значеніе воды въ этомъ почти безводномъ краѣ, количество ея запасовъ и условія пользованія ею были разяснены также съ величайшею подробностью. Собраны подробныя свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Туркестана, которыя, за исключеніемъ каменнаго угля, нефти, каменной соли и желѣза, оказались далеко не столь значительными, какъ это предполагалось раньше. Выяснены многія особенности растительнаго и животнаго міра этого края, а равно и этнографическій составъ его населенія, очень рѣдкаго въ пустыняхъ и чрезвычайно скученнаго въ оазисахъ и такихъ плодородныхъ долинахъ, какъ Ферганская, Зеравшанская и др. Не оставленъ безъ вниманія характеръ землевладѣнія и условія земледѣльческой культуры. Изучены нравы и промыслы населенія; выяснены его религіозныя и умственные интересы. Короче сказать, весь край подвергся всестороннему изслѣдованію, позволившему не только узнать его во всѣхъ подробностяхъ, но и намѣтить также цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, требующихъ столь же тщательнаго изученія, которое далеко еще нельзя считать вполне законченнымъ. Въ окончательномъ же результатѣ мы, мало того, что завоевали, но и изучили Русскій Туркестантъ, т. - е. приобрѣли все то, что только необходимо для быстраго развитія богатыхъ производительныхъ силъ его природы и населенія.

Въ этомъ отношеніи Россіи предстоитъ въ высшей степени важная и чрезвычайно благородная культурная миссія въ Средней Азіи, успѣшное выполненіе которой составитъ ея несомнѣнную заслугу передъ всѣмъ человѣчествомъ. Было бы, конечно, крупною ошибкой мечтать о томъ, чтобы создать изъ Русскаго Туркестана вторую Индію. Задача наша гораздо скромнѣе, — обезпечивъ какъ виѣшнее, такъ и внутреннее спокойствіе въ немъ, мы должны создать здѣсь такой порядокъ вещей, при которомъ, безъ обремененія государственнаго бюджета и расхищенія естественныхъ богатствъ края, благоденствіе его населенія было бы вполне упрочено, а производительныя силы его достигли возможно высшаго процвѣтанія. Короче ска-

зять, мы должны возратить цивилизації тѣ области Средней Азіи, которыя служили нѣкогда ея колыбелью.

Обращаясь къ разъясненію нѣкоторыхъ частныхъ вышенамѣченной задачи, мы, прежде всего, остановимся на характеристикѣ внѣшней политической обстановки, въ которой въ настоящее время находится Русскій Туркестанъ. Если не принимать во вниманіе такихъ ничтожныхъ по своему значенію и полунезависимыхъ государствъ, какъ Бухара и Афганистанъ, то остается только признать, что, подчинивъ себѣ Туркестанъ, Россія затронула интересы слѣдующихъ трехъ государствъ: Персіи, Китая и Англіи.

Что касается перваго изъ названныхъ государствъ, то нашу границу съ нимъ на большемъ ея протяженіи составляютъ довольно высокія (6,000—9,000 футовъ) горы Копетъ-Дага, прорѣзанныя нѣсколькими горными проходами, по которымъ проложены болѣе или менѣе удобныя дороги. Только далѣе къ югу, около Мешхеда и Серахса, русская граница съ Персіей болѣе открыта и всегда можетъ быть перейдена безъ особыхъ затрудненій. Но, принимая во вниманіе прекрасныя отношенія, существующія между Персіей и Россіей, и, главное, то плачевное состояніе, въ какомъ находится персидская армія, можно съ увѣренностью сказать, что съ этой стороны едва ли возможно ожидать какого-либо столкновенія. Правда, Россія подчинила себѣ почти всѣ туркменскія племена, на обладаніе которыми могла претендовать Персія, но, въ сущности говоря, персидское населеніе только выиграло отъ замиренія Туркменіи, которое, прежде всего, избавило его отъ постоянной опасности увода въ плѣнъ и обращенія въ позорное рабство, а затѣмъ замѣтно оживило промышленность и торговые сношенія. Если же къ этому прибавить, что о какихъ-либо наступательныхъ по отношенію къ Персіи дѣйствіяхъ со стороны Россіи не можетъ быть и рѣчи, то для насъ станетъ вполне очевиднымъ, что эта часть нашей среднеазиатской границы надолго можетъ быть названа вполне прочной и обезпеченной.

По отношенію къ Китаю дѣло представляется нѣсколько иначе. Не говоря уже о совершенно условныхъ границахъ съ нимъ въ области Памира, въ предѣлахъ Средней Азіи есть еще одна мѣстность, занимающая нѣсколько шекотливое положеніе. Такова Кульджа, совершенно открытая со стороны Россіи и замкнутая со стороны Китая высокими горами. Еще въ 1871 году, въ связи съ дунганскимъ возстаніемъ, охватившимъ весь западный Китай, русскія войска, для обезпеченія спокойствія въ русскихъ предѣлахъ, заняли Кулджинскую область, которую черезъ десять лѣтъ русское правительство возвратило китайцамъ, хотя населеніе ея и сейчасъ замѣтно тяготеетъ къ Россіи. Этою уступкой мы значительно успокоили китайцевъ, но возможность столкновенія съ ними вовсе не устранена ею, особенно при томъ значительномъ протяженіи, какое имѣютъ наши границы съ Китаемъ. Несомнѣнно, что китайское правительство имѣетъ свои виды на пограничныя владѣнія Россіи и ради этого всячески старается

упрочить свою власть среди все еще враждебно-настроенного магометанскаго населенія западнаго Китая. Съ этою цѣлью оно, при помощи европейскихъ инженеровъ, строить здѣсь укрѣпленія, улучшаетъ пути сообщенія, обезпечиваетъ продовольствіе и боевое снаряженіе своихъ войскъ и т. п. Впрочемъ, до вооруженнаго столкновенія Китая съ Россіей, повидимому, еще далеко, — первый пока не достаточно силенъ для этого, а послѣдняя не имѣетъ поводовъ искать его.

Несравненно болѣе натянутыя отношенія существуютъ на афганской границѣ, особенно между рѣками Герирудомъ и Мургабомъ, гдѣ она ближе всего подходитъ къ Герату. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что теперьшняя наша граница съ Афганистаномъ даетъ не дѣйствительное, а только дипломатическое удовлетвореніе тѣхъ интересовъ, какіе заявляютъ раздѣленные ею государства. Съ одной стороны, Россія стремится войти здѣсь въ тѣ естественные предѣлы Арало-Каспійскаго бассейна, какіе проходятъ по Гиндукушу и горамъ, лежащимъ къ сѣверо-западу отъ Кабула, а съ другой — Англія постоянно тревожится за цѣлость не столько Афганистана, сколько своихъ владѣній въ Индіи. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ бы ни были мирно настроены руководители политики въ Петербургѣ и Лондонѣ, нигто, однако, не можетъ поручиться за будущее. Отношенія на нашей афганской границѣ настолько натянуты, что достаточно новаго инцидента, подобнаго столкновенію на Кушкѣ, или народнаго возмущенія въ Афганистанѣ, чтобы самыя мирныя планы русскихъ военныхъ властей были нарушены и войска двинулись въ предѣлы Афганистана, чего Англія, какъ она уже сама объявила, ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ.

И такъ, Россія находится подъ постоянною угрозою столкновенія съ Англіей на афганской границѣ. «И не тамъ ли, — спрашиваетъ по этому поводу извѣстный географъ Элизе Реклю, — въ центрѣ тяжести азіатскаго континента, должна гораздо больше, чѣмъ въ Константинополь, разрѣшиться, наконецъ, великая проблема политическаго равновѣсія между Европой и Азіей, извѣстная подъ именемъ *восточнаго вопроса*?» *). Конечно, трудно сказать, произойдетъ ли здѣсь военное столкновеніе этихъ двухъ великихъ европейскихъ націй, столь различныхъ по нравамъ и учрежденіямъ, владѣющихъ огромными колоніями, которыя сами по себѣ могутъ составить цѣлыя имперіи, и раздѣленныхъ только узкою полосой земли, или, наоборотъ, онѣ мирно будутъ продолжать развиваться одна на сѣверѣ, а другая на югѣ отъ Гиндукуша, каждая сохранивъ за собою совершенно различныя сферы дѣятельности? Какъ бы то ни было, но Россія должна быть ко всему готова, возможно полнѣе обезпечивъ себя въ своихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, гдѣ ей, помимо политическихъ и военныхъ задачъ, предстоитъ гораздо болѣе важная мирная работа.

Обращаясь, затѣмъ, къ мѣрамъ по обезпеченію порядка и спокойствія внутри завоеванныхъ странъ, мы должны замѣтить, что достигнутые въ

*) *L'Asie russe. Nouv. Géogr. univer.* T. VI, Paris, 1881 г., стр. 469.

этомъ отношеніи результаты поистинѣ изумительны. Тамъ, гдѣ 10—15 лѣтъ тому немислимо было проѣхать безъ прикрытія значительной военной силы, въ настоящее время для проѣзжающихъ является такая же степень опасности, какъ на любомъ русскомъ проселкѣ. Достаточно сказать, что какъ за время постройки, такъ и при эксплуатаціи закаспійской желѣзной дороги, которую сами туркмены называютъ желѣзными цѣпями, приковавшими ихъ къ Россіи, не было ни одного случая злонамѣренной порчи рельсового пути со стороны туземцевъ. Благодаря утвержденію русской власти въ Туркестанскомъ краѣ, такіе исконные враги, какъ персы и туркмены, теперь мирно работаютъ рядомъ другъ съ другомъ, совершенно забывъ про то, что еще такъ недавно они безъ ненависти не могли смотрѣть другъ на друга. Благоустройство такой перемѣны оцѣнена даже, хотя и въ довольно сдержанной формѣ, однимъ изъ нашихъ политическихъ противниковъ, генераломъ Раулипсономъ, по словамъ котораго, «никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на востокъ отъ Каспія въ послѣднее двадцатилѣтіе принесли громадную пользу краю: отвратительный торгъ невольниками со всѣми сопутствующими ему ужасами уничтоженъ, разбои прекращены, магометанскій фанатизмъ и жестокость его ослаблены и сдержаны. Торговля стала болѣе безопасною, мѣстное искусство и промышленность поощряются, и на нужды населенія обращается болѣе вниманія, нежели это дѣлалось при азіатскихъ правителяхъ».

Понятно, что новыя условія общежитія, водворенныя русскими въ ихъ теперешнихъ владѣніяхъ, кажутся чрезвычайно заманчивыми для обитателей пока еще независимыхъ ханствъ Средней Азіи, что значительно способствуетъ укрѣпленію въ нихъ русскаго вліянія. «Спокойствіе и порядокъ въ русскихъ областяхъ Туркестана, несравненно менѣе отяготительныя податныя обязательства, которымъ подчиненъ здѣсь туземецъ, русскій подданный, въ сравненіи съ коканскими, бухарскими и прочими сартами, при всѣхъ другихъ облегченіяхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ, дѣлаютъ край весьма привлекательнымъ для всѣхъ, кто по собственному опыту или по слухамъ успѣлъ ознакомиться въ смежныхъ владѣніяхъ съ новыми условіями жизни народной, подъ русскимъ владычествомъ. Земледѣльцы манятся сюда обезпеченная жатва, половина которой не будетъ отнята изъ его рукъ ханскими серкерами (сборщиками-откупщиками податей), амлякдарами и привилегированными собственниками земли. Безземельнаго черноработчаго ждетъ вѣрный и хорошій заработокъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ прочная надежда на возможность устроить хозяйство самостоятельное, вмѣсто тяжелой бѣдности и постоянной работы за скудную плату, при той дурной экономической организаціи, которая въ ханствахъ держитъ трудящуюся массу въ безвыходной бѣдности, подъ постояннымъ гнетомъ злоупотребленій административныхъ, податныхъ и владѣльческихъ. Наконецъ, торговцу въ краѣ гарантированы свободныя отъ зякетныхъ стѣсненій и произвольныхъ поборовъ коммерческія предпріятія, обставленныя такими важными льготами, которыя даютъ несравненные преимущества и прибыли туземцамъ, нашимъ

подданнымъ, на ряду съ туземцами въ ханствахъ. Какъ могущественны и неотразимы, по вліянію на умы населенія, всѣ обозначенныя обстоятельства, всего лучше доказывается существованіемъ въ каждомъ изъ этихъ владѣній сильной и опирающейся на живое сочувствіе народныхъ массъ партіи, стремящейся положить конецъ послѣднимъ признакамъ политической самобытности ханствъ, чтобы достигнуть для нихъ тѣхъ же благодѣяній мира и порядка гражданственности, какими пользуется нынѣ туземное населеніе Русскаго Туркестана *).

И такъ, первые шаги наши въ Туркестанѣ были несомнѣнно успѣшны. Остается только обезпечить дальнѣйшій успѣхъ нашей культурной работы. Громадную услугу въ этомъ отношеніи оказало проведеніе сплошнаго желѣзно-дорожнаго сообщенія на протяженіи 1,360 верстъ, отъ береговъ Каспія до Самарканда. Самыя простыя соображенія заставляютъ желать, чтобы этотъ грандіозный путь былъ продолженъ до Ташкента, до котораго отъ Самарканда около 350 верстъ. Этимъ будетъ достигнуто не только соединеніе съ главнымъ городомъ всего края, но и, въ то же время, будетъ открытъ необходимый сбытъ богатымъ и разнообразнымъ произведеніямъ плодородной Ферганской области. Нужно думать, что послѣ недавней поѣздки въ Туркестанъ министра финансовъ осуществленіе этого предпріятія и вообще улучшеніе путей сообщенія не заставятъ долго ждать себя. Во всякомъ случаѣ, постройка не только ташкентскаго участка закаспійской желѣзной дороги, но и еще нѣсколькихъ рельсовыхъ путей будетъ несравненно плодотворнѣе, чѣмъ всѣ многолѣтнія и безуспѣшныя попытки учрежденія пароходства по среднеазиатскимъ рѣкамъ. Конечно, въ ограниченныхъ размѣрахъ оно несомнѣнно возможно и развитіе его крайне желательно, но при этомъ, однако, все-таки, не слѣдуетъ забывать, что въ Средней Азій вода имѣетъ другое, несравненно болѣе важное назначеніе, какъ элементъ, оживляющій почву, которая только до тѣхъ поръ даетъ обильные урожаи, пока пользуется достаточнымъ орошеніемъ.

Когда русскіе впервые водворились въ Туркестанскомъ краѣ, они, какъ люди сѣвера, богатаго водою, мало или даже совсѣмъ не цѣнили столь благодѣтельнаго значенія воды, пробуя пользоваться ею или для судоходства, или для рыболовства. То и другое прививалось крайне плохо. Въ то же время, искусственная поливка полей и луговъ, какъ дѣло новое и совершенно непривычное, почти не примѣнялась ими. Мало того, забрасывались и даже совсѣмъ разрушались оросительныя сооруженія, устроенныя руками прежнихъ обитателей этихъ мѣстъ. Наконецъ, только въ недавнее время на этотъ предметъ было обращено необходимое вниманіе и устройство правильной ирригаціи введено въ кругъ неотложныхъ нуждъ края. При этомъ, однако, почти съ первыхъ же шаговъ возникъ цѣлый рядъ затрудненій какъ съ технической, такъ и съ юридической стороны, что

*) *Проектъ всеподлин. отчета туркест. ген.-губернатора фонъ-Кауфмана.* Спб. 1885 г., стр. 133—134.

при нашей неподготовленности значительно затормазило дѣло. Для устраненія техническихъ затрудненій пришлось даже обратиться къ опыту иностранцевъ, какъ это случилось недавно съ ирригаціонными сооружениями въ Мервскомъ оазисѣ по теченію р. Мургаба. Что же касается юридическихъ затрудненій, то здѣсь участіе иностранцевъ совершенно бесполезно и намъ приходится устранять ихъ своими собственными силами. Все дѣло въ отношеніи этихъ затрудненій сводится къ тому, чтобы, не ограничиваясь частными мѣропріятіями, выработать общій сводъ правилъ, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ, о правахъ владѣнія и пользованія водами, предназначенными для орошенія. Какъ извѣстно, наше законодательство въ этомъ отношеніи крайне неполно, между тѣмъ какъ для такихъ частей Россіи, какъ Крымъ, Кавказъ и Туркестанъ, это одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ, послѣ того, какъ, войдя въ составъ Россійской имперіи, они подчинились общимъ законамъ, дѣйствующимъ въ ней. Вотъ почему вопросы водовладѣнія и ирригаціи должны быть безотлагательно поставлены на очередь и разрѣшены съ полнѣйшимъ вниманіемъ и осмотрительностью. вмѣстѣ съ этимъ должны быть употреблены всѣ зависящіе средства для расширенія оросительной сѣти и при этомъ въ интересахъ не столько крупной, какъ о томъ мечтаютъ нѣкоторые заgreбистые предприниматели, сколько мелкой собственности. Недостатка въ водѣ для этого не будетъ, такъ какъ только въ трехъ большихъ рѣкахъ Туркестана: Аму-Дарьѣ, Сыръ-Дарьѣ и Или, по приблизительному разсчету, имѣется свободное количество воды, совершенно достаточное для орошенія пространства не менѣе 100,000 кв. верстъ или болѣе 10.000,000 десятинъ. Такимъ образомъ, только путемъ разумнаго пользованія водою и достаточнаго орошенія мы будемъ въ состояніи отнять у пустыни и возратить культурѣ обширнѣйшія пространства земли, способной прокормить многочисленное населеніе.

Вообще энергичная борьба съ мертвящимъ вліяніемъ пустыни составляетъ одну изъ основныхъ задачъ нашей дѣятельности въ Туркестанѣ. Между тѣмъ, мы пока не только ничего не сдѣлали въ интересахъ успѣха этой борьбы, а, наоборотъ, даже способствовали тому, чтобы пустыня съ ея летучими песками еще дальше продвинулась внутрь культурныхъ земель. Прежде всего, этому сильно способствовало безпощадное истребленіе лѣсовъ въ горахъ и кустарниковой растительности въ песчаныхъ пустыняхъ. Въ послѣднее время дѣло дошло даже до того, что истребленію подвергается не только всякая надземная поросль, но даже и корни, чѣмъ окончательно разрушается защитный растительный покровъ песковъ, которые послѣ этого уже свободно развѣиваются вѣтромъ. Дѣлается все это, конечно, по нуждѣ въ топливѣ, а отчасти и вслѣдствіе неразумнаго хищничества. Во всякомъ случаѣ, необходимо возможно скорѣе положить этому предѣлъ, а для снабженія населенія достаточнымъ топливомъ безотлагательно приступить къ разработкѣ каменноугольныхъ и нефтяныхъ мѣсторожденій, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Туркестанскомъ краѣ.

Что касается вопроса о его заселеніи, то не слѣдуетъ забывать, что при разрѣшеніи его приходится считаться, прежде всего, съ размѣрами площадей, достаточно орошенныхъ и годныхъ подъ культуру. При наличномъ порядкѣ вещей, всѣ такія земли на-перечетъ извѣстны и онѣ едва ли будутъ въ состояніи вмѣстить большее населеніе, которое и безъ того довольно густо размѣщено на нихъ. Поля же безъ искусственнаго орошенія или «ляльми» могутъ удовлетворить не осѣдлаго жителя, а только такого полукочевника, какъ киргизъ, такъ какъ урожай на нихъ и невеликъ, и мало обезпеченъ. Впрочемъ, на болѣе или менѣе значительныхъ высотахъ земледѣліе возможно и безъ искусственнаго орошенія, но поля въ этомъ случаѣ должны быть расположены на высотахъ не менѣе какъ въ 3—4,000 футовъ, а такихъ земель не можетъ быть особенно много.

Вотъ почему колонизація края русскими поселенцами должна быть ведена съ крайнею осторожностью, дабы не было никакихъ поводовъ къ неудовольствіямъ какъ со стороны поселенцевъ, такъ и со стороны мѣстнаго населенія. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ уже опытъ козачьей колонизаціи въ Туркестанѣ, который далъ чрезвычайно поучительные результаты. Козаки были поселены не по принужденію, а по охотѣ на бывшихъ киргизскихъ земляхъ въ Семирѣченской области, причемъ имъ были отведены въ надѣлъ лучшія земли въ количествѣ 100 десятинъ на хозяйство и, сверхъ этого, оказана и денежная помощь. Въ результатѣ же оказалось, что спустя 8 лѣтъ послѣ водворенія козаковъ на новомъ мѣстѣ изъ 22,376 десятинъ, отобранныхъ въ надѣлъ имъ отъ киргизовъ, подъ пашней было всего лишь 1,526 десятинъ. Сверхъ этого, козаки совершенно истребили лѣса въ занятомъ ими районѣ, запустили ирригаціонныя сооруженія и т. п. «Экспропріація лучшихъ киргизскихъ пашень и кочевовъ (подъ выгонъ и покосы), систематическая эксплуатація киргизъ, замѣнившая для станичниковъ правильное трудовое хозяйство, ихъ притѣсненія, вымогательства, поборы, нарушавшіе грубо наиболѣе священные изъ обычныхъ правъ и исконныхъ вольностей туземнаго киргизскаго населенія,—все это вносило, въ то же время, неизбежное развращеніе въ среду самого козачьяго населенія» *). Насколько жутко приходилось отъ нихъ киргизамъ, можно судить по слѣдующимъ характернымъ выраженіямъ жалобы киргизовъ Каптай-Матаевской волости, принесенной ими на козаковъ въ 1864 году: «По направленію къ Балхашу, если покочевать въ пески, мало травъ, волости не помѣстятся и скотъ можетъ выпасть... На воздухъ летѣть—крыльевъ не имѣемъ, и на сохраненіе скота—мѣсть также не имѣемъ». Болѣе удачною мѣрой было привлеченіе въ Семирѣченскую область переселенцевъ изъ крестьянъ, но и они почти забросили земледѣліе и занялись другими промыслами и мелкою торговлей. Въ Сыръ-Дарьинской области дѣло было еще хуже. «Попытки водворить русскихъ крестьянъ,—говоритъ академикъ Миддендорфъ,—не удались тамъ по Сыръ-Дарьѣ, гдѣ киргизы съ энергіей

*) Проектъ всеп. отчета турк. ч. губер. фонъ-Кауфмана, стр. 151.

и успѣхомъ занимались земледѣіемъ, напримѣръ, близъ Казалинска и форта Перовскаго, или между Джулекомъ и Туркестаномъ. Переселенцы не могли сладить съ орошеніемъ: оросительныя воды то изсякали, то разливались, уничтожая все на своемъ пути... «Поселеніе крестьянъ на этихъ земляхъ,—говорить онъ далѣе,—совершенно не удалось, хотя они были осмотрѣны и облюбованы ходаками. Они не могли приспособиться къ уже готовымъ ирригаціямъ: то Сыръ-Дарья имъ не хватало, то она затопляла ихъ посѣвы, то объявляли они, что земля выпажана, т.-е. истощена... Короче, дѣло кончилось тѣмъ, что они, наконецъ, пораспродали свой скотъ и занялись мелкою торговлей; только нѣкоторымъ посчастливилось въ извозѣ, тогда какъ другіе ушли на рыбныя ловли, открывшіяся въ устьяхъ Арала» *).

Конечно, не слѣдуетъ обобщать столь плачевныхъ результатовъ русской колонизаціи въ Туркестанѣ, но, во всякомъ случаѣ, успѣхи ея незначительны. Тѣмъ не менѣе, мы вполне признаемъ и возможность, и необходимость такой колонизаціи, но организована она должна быть съ большимъ знаніемъ дѣла и полнѣйшею осторожностью. Полезное указаніе для этого даетъ нашъ знаменитый знатокъ Туркестана, Н. А. Сѣверцовъ, по мнѣнію котораго для успѣшнаго поселенія выходцевъ изъ Россіи и удачнаго выбора мѣстъ для нихъ необходимы два условія: 1) «чтобы эти мѣста были свободны, и колонизація произошла бы безъ стѣсненія кореннаго мѣстнаго населенія, и 2) чтобы эти мѣста соотвѣтствовали русскимъ хозяйственнымъ привычкамъ, т.-е. были бы обезпечены лѣсами и дождемъ для земледѣлія; съ орошеніемъ и насажденіемъ лѣсовъ наши поселенцы плохо справляются, а болѣе умѣютъ запускать существующіе арыки, истреблять лѣсъ и просить, затѣмъ, объ отводѣ земли на новыхъ мѣстахъ» **).

Большое значеніе въ смыслѣ болѣе прочнаго заселенія Туркестана имѣетъ годъ отъ года увеличивающееся обращеніе кочевниковъ, туркменовъ и киргизовъ, къ осѣдой жизни и земледѣльческой культурѣ. Не нужно думать, чтобы это достигалось примѣненіемъ какихъ-либо принудительныхъ мѣръ,—наоборотъ, это совершенно естественный процессъ, который русскимъ властямъ остается только регулировать. Эти новые земледѣльцы или, какъ ихъ называютъ здѣсь, «лигеньчи», не только охотно «сажаются» на землю, но и примѣняютъ на ней приемы высшей земледѣльческой культуры, т.-е. орошеніе, травосѣяніе и т. п., предпринимая для этого нерѣдко грандіозныя ирригаціонныя сооруженія. Такъ, въ 1883 году, киргизы Джулекской волости, Перовскаго уѣзда, просили разрѣшить имъ возобновить древній, совершенно заброшенный оросительный каналъ Чіели и, получивъ разрѣшеніе на это, такъ быстро повели дѣло, что уже черезъ два года изъ этого канала было орошено и засѣяно до 7,000 десятинъ земли, ранѣе того бывшей совершенно безплодной. Разумное руководство этимъ

*) *Очерки Ферганской долины*. Спб., 1882 г., стр. 348.

**) *Путешествіе по Туркестанскому краю*. Спб., 1873 г., стр. 93.

процессомъ осѣданія кочевниковъ можетъ имѣть для края не меньшее значеніе, чѣмъ колонизація его пришельцами со стороны. Трудъ этотъ значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Туркестанѣ есть обширный контингентъ прекрасныхъ туземныхъ мелкихъ хозяевъ-собственниковъ, который можетъ представить отличную школу для этихъ новыхъ «прозелитовъ» земледѣлія. Таковы сарты и таджики, представляющіе исконное аріиское населеніе, прочно привязанное къ землѣ.

Дѣйствительно, это природные земледѣльцы, для которыхъ земледѣліе, и, притомъ, крайне интенсивное, составляетъ своего рода культъ. Насколько оно идеализировано въ глазахъ мѣстнаго мусульманскаго населенія, можно судить уже по тому факту, что народная литература выработала даже особый земледѣльческій катихизисъ или *Ресаймъ*. Вотъ нѣкоторыя общія, кажія даются въ этомъ *Ресаймъ* земледѣльцу: «Послѣднее дыханіе человѣка, изнурившая себя постомъ, потъ земледѣльца или сажателя деревьевъ и кровь мученика представляютъ равную заслугу передъ Богомъ. Богъ не только приравнялъ земледѣльца книжникамъ, воинамъ и богомольцамъ, но и поставилъ перваго превыше другихъ, ибо безъ земледѣльца ни книжникъ не можетъ посвятить себя изученію Корана, ни воинъ вести войны, ни богомолецъ ходить въ Мекку... Истинно великій Богъ, за каждое посѣянное земледѣльцами зерно, вычеркиваетъ изъ книги грѣховъ десять прегрѣшеній, содѣянныхъ имъ, заноситъ въ нее десять награжденій и возвышаетъ его мѣсто въ раю на десять ступеней. Если зерно всходитъ и зеленѣетъ — это равнозначуще съ воскрешеніемъ вѣрующаго земледѣльцемъ; зеленѣющая нива молить Бога о прощеніи грѣховъ сѣятеля» *). Патрономъ земледѣлія въ этомъ *Ресаймъ* считается самъ Адамъ, который избралъ себѣ земледѣліе, какъ благороднѣйшій изъ промысловъ. Любопытно все, что *Ресаймъ* земледѣльца очень древняго происхожденія—составленіе его относить къ XIV вѣку. Неудивительно, что при такомъ вѣковомъ воспитаніи интереса къ земледѣлію, мѣстное земледѣльческое населеніе достигло изумительнаго совершенства, представляя прекраснѣйшій образецъ могучаго значенія этой дѣйствительно благороднѣйшей отрасли народнаго труда. Обладая крайне незначительными участками земли, они съ необыкновенною тщательностью обрабатываютъ ее, употребляя при этомъ самыя утонченныя, вѣками выработанныя приемы интенсивной земледѣльческой культуры, и получаютъ при этомъ баснословные урожаи, о которыхъ наши земледѣльцы и понятія не имѣютъ. Помимо земледѣлія, таджики и сарты охотно занимаются также огородничествомъ и садоводствомъ. Вообще, это чрезвычайно дѣятельный и богато одаренный элементъ туркестанскаго населенія, хотя и не чуждый недостатковъ и пороковъ, привитыхъ ему вѣковымъ рабствомъ.

Благодаря своему превосходству въ духовномъ отношеніи, неоднократно поработаемые, таджики, однако, всегда представляли господ-

*) Очерки Ферганской долины, стр. 354.

ствующій интеллигентный слой въ народѣ, выдвигая изъ своей среды учителей, ученыхъ знатоковъ Корана, духовенство, старшинъ (аксакаловъ) и даже столь важныхъ по своему значенію «кази», т.-е. судей и законодателей. При новомъ, русскомъ, господствѣ они вполне удержали свое прежнее положеніе и, несмотря на недовѣріе къ нимъ русскихъ властей, они были охотно назначаемы на должность старшинъ. Какъ землемѣры, собиратели статистическихъ данныхъ, какъ фельдшера и наблюдатели метеорологическихъ явленій, они въ короткое время успѣли зарекомендовать себя съ самой выгодной стороны. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ дѣлѣ распространенія новыхъ полезныхъ свѣдѣній, занятій, отраслей производства таджики будутъ очень полезны намъ, такъ какъ они чрезвычайно воспримчивы ко всякаго рода удачнымъ нововведеніямъ. Для этого только необходимо отвлечь ихъ отъ торгашества и расширить ихъ умственный кругозоръ, открывая для нихъ низшія и среднія школы, въ которыхъ на первое время сообщались бы свѣдѣнія чисто-прикладнаго характера, распространяя между ними учебники и книжки на ихъ родномъ языкѣ, съ изложеніемъ научно-практическихъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ повседневному обиходу жизни, и т. п. Всѣ эти мѣры совершенно примѣнимы, такъ какъ грамотность здѣсь повсемѣстно распространена въ народѣ. Во всякомъ случаѣ, намъ нельзя не считаться съ этимъ сильнымъ культурнымъ элементомъ, такъ какъ сарты и таджики не удовольствуются уже скромною ролью послушныхъ подданныхъ, а стремятся къ большому. Если еще до русскаго господства они успѣли ассимилировать узбекскую народность, то въ настоящее время они съ неменьшею энергіей стараются о томъ же по отношенію къ киргизскому населенію, далеко вдвигаясь въ него своими мелкими хуторами, лавочками и т. п. «Нельзя не остановиться на роли этихъ мелкихъ осѣдлостей, на важности ихъ для киргизскаго населенія. Особенную важность представляетъ то, что съ самаго возникновенія своего степные хутора сартовъ естественно становятся здѣсь не только центрами и разсадниками земледѣлія, но и культурными школами перевоспитанія кочевниковъ въ духѣ общемусульманской сартовской гражданственности. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ нельзя не отдать справедливости особой энергіи, искусству и практическимъ приѣмамъ сартовъ-колонизаторовъ, оставляющихъ далеко за собою нашихъ русскихъ крестьянъ, поселенныхъ въ Семирѣченской степи. Земледѣльческія и торговыя способности сартовъ, неустанное и упорное трудолюбіе ихъ, въ соединеніи съ бережливостью и умѣренностью въ потребностяхъ, ихъ практическая опытность въ искусственномъ орошеніи, садоводствѣ и огородничествѣ создаютъ въ немного лѣтъ тамъ, гдѣ они селятся, цвѣтущіе благоустроенные оазисы, на мѣстахъ, служившихъ до нихъ пастбищами или убогими пашнями, эксплуатировавшихся кочевниками грубѣйшими первобытными способами» *). Оставляя въ сторонѣ дурную сторону вліянія ихъ, какъ ограниченныхъ фанатиковъ или суевѣрныхъ ханжей, все-таки, мы

*) Проектъ всепод. отчетъ турк. ген.-губер. фонъ-Кауфмана, стр. 142.

не можемъ игнорировать эту громадную культурную силу, всячески стараясь направить ее въ интересахъ высшей европейской культуры. Единственнымъ средствомъ для этого можетъ служить не сила «приказа» или «распоряженія за № 000», а возможно широкое распространеніе просвѣщенія и призывъ на наши окраины людей образованныхъ и чуткихъ къ запросамъ мѣстной жизни. При ихъ участіи могли бы возникать на мѣстѣ общества, имѣющія цѣлью искорененіе предрасудковъ, вредныхъ обычаевъ, дурныхъ нравовъ, ослабленіе фанатизма, возрожденіе духовныхъ интересовъ народа и т. п. При участіи этихъ же силъ могла бы возникнуть мѣстная періодическая печать, которой почти совсѣмъ нѣтъ въ этомъ краѣ.

Между тѣмъ, практика нашего культурнаго воздѣйствія на народы Средней Азіи шла пока по совершенно иной дорогѣ. Мы охотно устраиваемъ всю внѣшнюю, показную сторону культурной обстановки, начиная желѣзными дорогами, электрическимъ освѣщеніемъ, мостовыми и т. д. и кончая извозчиками, городскими и другими атрибутами внѣшняго благополучія; мы поддерживаемъ всякаго рода торговые и промышленныя предпріятія, организуемые на американскій манеръ; держимъ себя за панибрата съ туземцами; строимъ для нихъ мечети; организуемъ благотворительныя учрежденія и т. д.,—все это, конечно, очень хорошо, но хорошо постольку, поскольку за этимъ стоитъ другое, болѣе важное дѣло, сущность котораго по отношенію къ Средней Азіи прекрасно формулирована въ слѣдующихъ глубоко симпатичныхъ словахъ уважаемаго изслѣдователя Ферганы, академика Миддендорфа: «Часто подъ непонятными для насъ формами все еще существующей культуры мы встрѣчаемъ тамъ такія условія, которыя должны быть тщательно изслѣдованы и надлежаше признаны, прежде чѣмъ европеецъ сочтетъ себя вправѣ ворваться въ эту своеобразную жизнь для измѣненія ея къ лучшему. Съ неотвратимою естественною необходимостью развилось, при существовавшихъ тамъ условіяхъ, оригинальное своеобразие, которое должно быть сохранено, подобно своеобразію каждаго комплекса среди безчисленныхъ другихъ членовъ нашего неизмѣримаго государства, вмѣщающаго въ себѣ разнообразнѣйшія мѣстныя особенности. Наши сотоварищи по подданству могутъ быть приведены къ цѣли—достиженію высшаго совершенства развитія—лишь тогда, когда будетъ обращено должное вниманіе на каждую историческую, т. е. порожденную естественною необходимостью, особенность. Правда, на бумагѣ быстро достигается формальная однородность; но дѣйствительные успѣхи являются плодомъ лишь терпеливой, выносливой и добросовѣстной работы. Впрочемъ, и такая работа можетъ оказывать совершенствующее вліяніе на судьбы какой-либо страны лишь постольку, поскольку она поддерживается высшею культурой и цивилизаціей, равно какъ и практическимъ направленіемъ ума» *).

В.—ъ.

*) *Очерки Ферганской долины*, стр. 451.